

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ СТРАНЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА В РОМАНЕ ФЛОРИАНА ЗЕЛЛЕРА «ОЧАРОВАНИЕ ЗЛА»

С. Э. Богданович (г. Могилев, Беларусь)

Проблема терроризма является одной из самых актуальных в современной мировой литературе. Терроризм стал уже, к сожалению, исторической приметой нашего времени. Обращаясь к данной теме, разные авторы ставят перед собой разные задачи. Во многих произведениях писатели пытаются раскрыть первопричины этого чудовищного явления.

В романе «Божьи агнцы» алжирский писатель Ясмينا Кадра видит их в религиозном фанатизме. Возвращение в деревушку Гашима молодого имама Шейха Аббасса, радикального фанатика-исламиста, разрушает мирную жизнь, втягивает всех ее жителей в братоубийственный конфликт.

По мнению русского автора Л. Петрушевской (роман «Номер один»), в нашем мире технически подкованных дикарей никакого терроризма не существовало бы без телевидения, которое непрерывно нагнетает атмосферу, транслируя страшные кадры трагедий, втягивая в его орбиту миллионы людей. А сам терроризм на экране – чудовищный тотализатор, главная в мире игра на деньги [1, р. 4].

Борис Акунин в своем романе «Статский советник» представляет террористическую угрозу как политическую игру в высших эшелонах власти. Князь Пожарский создает террористическую группу, чтобы держать в ужасе правящую верхушку государства и добиться таким образом неограниченных полномочий.

Роман Александра Проханова «Господин Гексоген» обличает спецслужбы, которые используют свои широчайшие возможности и терроризм как инструмент для смены политических режимов, устранения неугодных политических лидеров.

Свой взгляд на проблему, во многом парадоксальный, предлагает Флориан Зеллер в романе «Очарование зла» («Fascination du pire», 2004). Роман, вызвавший массу критических откликов, зачастую полярных, начинается с описания путешествия двух молодых писателей (автора романа и популярного швейцар-

ского романиста Мартена Мийе) на салон книги в Египет. Уже на борту самолета начинается столкновение двух культур, двух цивилизаций. Большинство пассажиров, летящих этим рейсом, – арабы с их семьями. То, что место жены одного из них, даже закутанной с головы до пят в паранджу, оказалось рядом с европейским мужчиной, вызвало негодование, и самолет не взлетел, пока инцидент не был улажен. В определенное время все мужчины-арабы встали со своих мест, чтобы совершить молитву прямо между кресел салона, что сделало невозможным перемещение внутри самолета. Кроме определенных неудобств публичная демонстрация религиозных чувств вызвала ощущение неловкости у путешествующих французов. Если бы не прямая связь между исламом и терроризмом, которая стала очевидностью, возможно западная цивилизация и ограничилась бы формулой «с'est culturel», часто звучащей в романе. Но законы, которые исламские радикалы считают благом для своих граждан, они пытаются навязать и остальному миру. Тарик Рамадан, франкоязычный швейцарский богослов египетского происхождения, профессор ислама в университете Фрибура, считает, что ислам призван распространиться по всему миру, что он принесет Западу духовное очищение: «Le monde islamique porte aujourd'hui un regard très sévère sur l'Occident, qui représente à ses yeux tout ce qu'il ya de condamnable: la débauche, la frénésie et la décadence» [2, p. 38]. Тема западной распущенности становится одним из аргументов для исламского Джихада.

Молодые романисты пытаются пройти по стопам Гюстава Флобера и его «Переписки» в поисках эротических благоуханий Востока, описанных их знаменитым предшественником: «Nous sommes maintenant, mon cher monsieur, dans un pays où les femmes sont nues, et l'on peut dire avec le poète « comme la main », car pour tout costume elles n'ont que des bagues. J'ai baisé des filles de Nubie qui avaient des coliers de piastres d'or leur descendant jusque sur les cuisses, et qui portaient sur leur ventre noir des ceintures de perles de couleur» [2, p. 17]. В Египте они сталкиваются с совершенно изменившимися общественными устоями. Вместо флюберовских сидящих или стоящих на пороге их дома в развевающихся разноцветных одеяниях женщин, они встречают практически повсеместно черные безликие существа, закутанные в паранджу. Не веря словам сотрудников посольства, Мийе на протяжении романа упорно пытается обнаружить свободную любовь в египетском обществе. В результате он остается жестоко разочарованным. Египетские женщины не могут заниматься любовью вне брака. В противном случае им грозит жестокое наказание, которое Коран благословляет: « Admonestez celles dont vous craignez l'infidélité; reléguez-les dans des chambres à part et frappez-les – Coran, sourate 4, verset 34.» [2, p. 43]. Бескомпромиссно суровая мораль ислама привела к запрету даже сказок «Тысячи и одной ночи» и «Мадам Бовари» Флобера как оскорбляющие благопристойность: «J'appris ainsi que ce roman avait été traduit en arabe, mais que ce n'était pas une raison pour le lire.

Un tel texte était contraire à l'éthique et à l'esthétique... . . . l'histoire de cette femme mal mariée, de son époux médiocre, de ses amants vains, remet trop en cause l'ordre des choses pour être lu.» [2, p. 53–54]. В таком порядке вещей автор видит одну из основных, на его взгляд, причин терроризма. Молодые люди, достигшие половой зрелости и испытывающие физиологически нормальную потребность в сексе, не могут ее удовлетворить в исламизированном обществе. Они чувствуют себя обманутыми. Это чувство острой неудовлетворенности и толкает их на совершение терактов. Таким образом, они становятся мучениками ислама и попадают в рай: «Au paradis, un martyr est un héros, mais surtout, et ce n'est pas négligeable, il a droit à soixante-douze vierges pour lui. C'est important, je pense, pour comprendre un peu mieux le terrorisme.» [2, p. 132].

В своем романе Флориан Зеллер пытается анализировать причины кризиса западной цивилизации. Гуссерль видел их в начале Нового времени, когда наука начала сводить мир единственно к простому предмету технического исследования. Человек, погружившийся в узкоспециализированные области знания, стал все больше и больше терять себя из виду до того момента, который Хайдеггер назвал «l'oubli de l'être». Вслед за Миланом Кундерой Зеллер усматривает тесную связь между корнями этого кризиса и европейским искусством романа. М. Кундера использует определение «европейский» не в географическом плане, а как обозначение духовного начала, возникшего с зарождением греческой философии. Оно является, в его понимании, синонимом «западный». Появившееся также в начале Нового времени, великое искусство романа призвано восполнить пробел науки, стать областью исследования этой потерянной сущности, человека. «Exprimé ainsi, on pouvait mieux comprendre les termes du problème : si le monde islamique avait généralement du mal avec le roman, c'était parce qu'il vivait, dans une grande partie, à une époque d'avant les Temps modernes, enlgué dans des archaïsmes incompatibles par essence avec ce qui fonde le roman : la liberté, la fantaisie, la complexité, l'ambiguïté de toutes les vérités et la suspension du jugement moral. À cet égard, le roman pouvait facilement devenir le terrain d'opposition entre deux civilisations. » [2, p. 100].

Террористы любого толка оправдывали свои действия отрицанием той реальности, которую они хотели бы подчинить их неверному видению мира посредством оружия. Этому варварству литература противопоставляет свои собственные законы, на которых зиждется ее могущество, т. е. ее независимость, ее автономность. Хороший писатель, с этой точки зрения, всегда террорист [3, p. 1]. Свобода художественного вымысла позволяет ему поднимать самые насущные проблемы своего времени, без экивоков и без оглядки вскрывать их первопричины, побуждать общество задуматься и искать их решение. Искусство романа несет угрозу тем, кто считает себя носителями истины в последней инстанции и не допускает никаких дискуссий и возражений. Использо-

зую художественный прием «роман в романе», Ф. Зеллер пытается показать, что подрыв этой свободы угрожает самой западной цивилизации. Вернувшись во Францию, Мартин Мийе публикует роман под названием «Очарование зла», где высказывает все те идеи, которые излагает Ф. Зеллер в своем произведении. Роман провоцирует скандал, яростные нападки на автора СМИ и критики, угрозу физического устранения исламистами. Только несколько художников выступают в его защиту с петицией. Через некоторое время М. Мийе находят убитым. Вынудить писателя заниматься самоцензурой, чтобы предохранить себя от самых нелепых нападков и, возможно, от угрозы жизни, означает смерть художественного вымысла, т. е. осуществление террористического акта. « Il est assez étonnant de constater que l'Europe a tant de mal à défendre l'art le plus européen, c'est-à-dire à défendre sa propre culture. On se contente d'une petite pétition, et l'on rentre chez soi. Lâcheté de l'aumône : oui, on donne deux pièces et on passe son chemin. Et puis la peur. » [2, p. 156]. М. Мийе похоронили, и практически никто не пришел на его похороны. Европу не слишком взволновало то, что ее, по преимуществу, искусству только что вынесли смертный приговор. Все эти рассуждения побуждают Ф. Зеллера закончить свой роман требующими осмысления вопросами: «Mais l'Europe est-elle encore l'Europe? C'est-à-dire la société du roman? Autrement dit : se trouve-t-elle encore à l'époque des Temps modernes? N'est-elle pas déjà en train d'entrer dans une autre époque qui n'a pas encore de nom et pour laquelle ses arts n'ont plus beaucoup d'importance?» [2, p. 156].

Литература

1. **Кормилова, М.** Кризис жанра. Терроризм становится едва ли не главной темой русской литературы / М. Кормилова // [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/culture/2004-08-20/9779> – krizis-zhanra.html – Дата доступа: 20.01.2016.
2. **Zeller, F.** Fascination du pire / F. Zeller. – Paris : Editions Flammarion, 2004. – 160 p.
3. **Clerc, T.** Césaire Battisti, littérature et terrorisme / T. Clerc // [Электронный ресурс] – 2009. – Режим доступа: <http://www.lemonde.fr/livres/article/2009/01/30> – Дата доступа: 20.01.2016.